

Лекция 4. Падение редуцированных и его последствия

Термины: редуцированные гласные, сильная позиция, слабая позиция, абсолютно слабая позиция, ер, ерь.

Время: конец XI – середина XIV века.

Факт: У ВС падение редуцированных проходило позже, чем у ЮС. *Доказательство:* В XI – начале XII в. при переписывании СС ркп-ей, в которых утрата редуцированных была уже широко отражена, ВС книжники часто восстанавливали написания с ерами.

Понятие редукции. Место редуцированных гласных в фонетической системе

Термин «редуцированные гласные» (от нем. *reduzieren* – уменьшать, сокращать) используется для характеристики безударных гласных – таких аллофонов гласных фонем, которые характеризуются меньшей длительностью и напряженностью, чем ударные аллофоны соответствующих фонем. Редуцированные гласные являются менее напряженными, чем нередуцированные, и при их артикуляции речевой аппарат принимает положение ближе к нейтральному. Термин «редуцированные гласные» обычно применяется к гласным с ярко выраженной качественной редукцией, например, в современном русском языке редуцированным гласным считается [ъ] (= [ə]) — аллофон фонемы [а] во втором предударном или в заударном слоге:

ср. [gɐrɫá] ‘городá’, [pr’ígɐrət] ‘прíгород’),

аллофон [а] в первом предударном слоге — [ʌ] — не считается редуцированным, поскольку его качественная редукция не столь ярко выражена, как во втором предударном или заударном слоге.

Но если мы обращаемся к позднему ПС периоду, к ДРЯ и его исходной фонетической системе, термин «редуцированные гласные» принимает совсем другое значение. Редуцированными гласными в древних славянских языках называют не аллофоны каких-либо гласных, а самостоятельные фонемы [ь] (ерь) и [ъ] (ер), унаследованные из праславянского языка и впоследствии утраченные в процессе так называемого падения редуцированных. В ПС

редуцированные гласные возникли из кратких гласных верхнего подъема ([ь] < *ї и [ъ] < *ǔ) в результате их централизации (понижения подъема). Таким образом, это были фонемы средневерхнего подъема: [ь] — переднего, а [ъ] — непереднего (заднего) ряда. В отличие от редуцированных гласных СРЯ, праславянские и древнерусские редуцированные могли находиться как под ударением, так и в безударном положении.

Система гласных фонем накануне падения редуцированных

Подъём	Ряд	
	Передний	Непередний
Верхний	(ü) i	y u
Средневерхний	ê ь	ъ (ô)
Средненижний	e	o
Нижний	ä	a

Утрата фонем [ь] (ерь) и [ъ] (ер), или падение редуцированных, — важнейшее звуковое изменение в древних славянских языках. Оно произошло во всех славянских языках и диалектах, хотя с разными результатами и в разное время. Многие ученые считают, что это было последнее общеславянское фонологическое изменение, после которого началась самостоятельная жизнь отдельных славянских языков. Оно не только кардинально перестроило систему вокализма, но и затронуло весь звуковой строй, в частности, положило конец эпохе открытых слогов. В самом общем виде в ДРЯ [ъ] и [ь] исчезали, т.е. совпадали с «нулем звука» в одних позициях (так называемых слабых) и с [o] и [e] — в других (так называемых сильных):

сьнь > сон,
днь > день,
сьбрьаль > собрал.

Чисто фонетически история редуцированных представляла собой постепенное понижение их подъема от верхнего в ПС, где они были фонемами *ї и *ǔ, через средневерхний подъем в раннедревнерусском к средненижнему в позднедревнерусском, где они превратились в [e]

и [o]. В сербохорватском языке редуцированные «опустились» еще ниже, совпав с самой открытой фонемой [a] (ср. в сербохорватском сан ‘сон’, да̑н ‘день’). Итак, падение редуцированных было «падением» не только в смысле их дефонологизации, т.е. «выпадения» из системы фонем, но и в артикуляционном смысле, т.е. понижением подъема.

В глаголице и кириллице для обозначения редуцированных имелись специальные буквы: ѣ – ѣ (ер), ѣ – ѣ (ерь). Наиболее распространенными в древних славянских памятниках были графические системы, в которых использовались обе графемы для редуцированных, однако в некоторых памятниках, как глаголических, так и кириллических, для обозначения обоих редуцированных используется один знак (либо ѣ, либо ѣ). Возникновение такого одноерового письма связано с совпадением редуцированных ряда ЮС говоров. Одноеровая графика встречается и в ВС памятниках, особенно ранних: XI – начала XII в., в частности в Новгородской Псалтыри (цере) начала XI в., в некоторых берестяных грамотах и др. Но одноеровая графика не соответствовала фонетическому строю древнерусского языка, где [ѣ] и [ѣ] фонологически были противопоставлены, и с середины XII в., по мере развития древнерусской письменности, сходит на нет.

То, что буквы ѣ и ѣ обозначали гласные звуки, не сразу стало понятно исследователям древних славянских памятников. Сначала в них и вовсе видели некое графическое излишество, украшение. Даже основоположник славянской филологии чешский филолог **Й. Дóбровский**, который выступил против такого мнения, был далек от истины. Сам он полагал, что Ђ был введен создателем славянской азбуки для обозначения конца слова и отделения предлогов. Звуковое значение еров (как и юсов) было открыто **А. Х. Востоковым**, который считал их краткими (полугласными) звуками.

Для характеристики фонем, обозначаемых ерами, используют разные термины, в зависимости от того, как реконструируются их фонетические свойства. После А. Х. Востокова их рассматривали и как «иррациональные», и как «неопределенные», и как «глухие», и как «сверхкраткие» и — наконец — как «редуцированные» гласные. Все эти термины так или иначе обращают внимание на особое положение этих гласных в фонетической системе, на их некую ущербность, которая — по мысли тех, кто вводил соответствующие термины, — и привела к «падению» этих гласных. Редуцированные обычно трактуются как гласные «неполного образования», в отличие от всех других гласных — «полного образования». Обозначения «иррациональные», «неопределенные», «глухие» сейчас практически вышли из употребления. А вот характеристика [ъ] и [ь] как сверхкратких имеет широкое распространение. Она подразумевает их якобы бóльшую краткость по сравнению с обычными краткими гласными, тем самым предполагая наличие трех степеней длительности: долгота / краткость / сверхкраткость. Такая трактовка неоднократно подвергалась справедливой критике, прежде всего на том основании, что нет языков с независимым противопоставлением гласных по трем степеням длительности. Кроме того, ко времени появления первых памятников письменности оппозиция по долготе / краткости, видимо, уже была заменена оппозицией по подъему. Но главное, что если даже фонологический признак долготы / краткости сохранялся, то именно [ъ] и [ь] и должны были оставаться единственными краткими гласными, которые после возникновения нового акута еще не вошли в подсистему долгих. Но тогда они должны трактоваться как краткие, а не «сверхкраткие». В отечественной науке и в учебной литературе наибольшее распространение получил термин «редуцированные гласные». Первоначально он указывал на количественную и качественную редукцию праславянских гласных *ī и *ǐ, которая приводила к возникновению «редуцированных» звуков [ъ] и [ь]. Качественная редукция при этом связывалась с понижением подъема, централизацией гласного. В современной славистике,

особенно в зарубежной, широкое хождение имеет фонетически нейтральный и ни к чему не обязывающий термин «еры» (англ. jers), по названию букв ъ и ь.

Первоначальное – достаточно верхнее – произношение редуцированных как гласных верхнего или уже средневерхнего подъема отражено в финских заимствованиях из ДРЯ:

ср. др.-рус. лѣжка ‘ложка’ → фин. lusikka.

Видимо, в финском не было других гласных, которые бы лучше, чем [i] и [u], подходили для представления ДР [ъ] и [ь].

Произношение [ъ] середины XI в. как неопределенного гласного среднего подъема, возможно, отражено в подписи Анны Ярославны (дочери Ярослава Мудрого и жены короля Франции Генриха I) на латинской грамоте, выданной в 1063 г. от имени ее сына — малолетнего французского короля Филиппа I. В этой подписи — АНА РЪИНА — второе слово представляет собой кириллическую транскрипцию старофранцузского слова reine [rɛjina] ‘королева’ (< лат. regina). Нельзя исключать, впрочем, что Анна Ярославна пользовалась одноеровой графикой. И если это так, то неясно, какой из двух редуцированных она передала буквой ъ.

Редуцированные гласные в речевом потоке были довольно частотны. Они встречались во многих словах и морфемах:

в корнях (дѣва, сѣнь, дѣнь, бѣрати),

в приставках и предлогах (въ, съ, къ, въз-),

в суффиксах (правѣда, купѣць, боярьскѣ),

в окончаниях (столѣ, столѣмь ‘столом (тв. пад. ед. число)’, идетѣ).

Они могли находиться как под ударением, так и в безударной позиции, как на конце, так и в середине слова – но не в абсолютном начале. Отсутствие редуцированных в начале слова объясняется тем,

что перед начальным *ї и *ѣ, к которым восходят редуцированные гласные, еще в ПС период развивались протетические согласные:

начальное *ї- давало *јь-: искра < *јьskra < *їskrā,

начальное *ѣ- изменялось в *въ-: вопити ‘вопить’ < *въpiti < *ѣpīteј.

Фонемы [ъ] и [ь], находясь перед йотом или после йота, имели более высокий подъем и отличались от других редуцированных большей напряженностью артикуляции, сближаясь – а в некоторых диалектах и совпадая – с [y] и [i]. Такие редуцированные называют напряженными, и в транскрипции их можно обозначать «крышкой» над ерами ([ъ̆] и [ь̆]). В СС алфавите для них не было создано специальных букв: [ъ̆] передавался буквами ы и ъ, а [ь̆] — буквами и и ъ:

добрыи (реже добръи) < *dobrъ̆jъ̆ < *dobrъ̆jъ̆,

костиѣ ~ костиѣ (тв. пад. ед. число) < *kostъ̆jъ̆ < *kostъ̆jъ̆.

Важно иметь в виду, что исконные гласные верхнего подъема [y] и [i], которые, как уже было сказано, восходили к *ū и *ī, оказываясь в позиции перед йотом, сами становились редуцированными, разумеется напряженными: мыѣ (реже мъѣ) < *mъ̆jъ̆ < *mujъ̆, сиѣти (реже съѣти) < *sъ̆jati < *sijati. А это значит, что они приобретали способность различаться в сильной и слабой позициях.

Хронология и этапы падения редуцированных

Накануне своего исчезновения фонемы [ъ̆] и [ь̆] могли находиться в сильных или слабых позициях.

Слабая позиция

- 1) На конце неодносложных фонетических слов (столъ, конь, идетъ).
- 2) В середине слова, если следующий слог не имел слабого редуцированного (дѣва, бѣрати, въ дворѣ).

Сильная позиция

1) когда в следующем слоге находился слабый редуцированный (събрати, къ мѣнѣ, днь).

2) на конце односложных слов (ть 'тот', съ 'этот', нь 'но').

Этот принцип распределения редуцированных по сильным и слабым позициям первым сформулировал **Александр Афанасьевич Потебня**, а вскоре после него чешский ученый **Антонин Гавлик**. Этот принцип часто называют правилом Гавлика или, что более справедливо, правилом Потебни — Гавлика.

Традиционно считается, что в древнерусском языке правило Потебни — Гавлика не распространялось на редуцированные, которые находились перед плавными в дифтонгических сочетаниях типа *ТЬРТ: тьргъ, вьрхъ, мьлва (< псл. *tǫrgъ, *vǫrхъ, *mǫlva), — здесь редуцированный всегда трактуется как сильный. В таких сочетаниях после плавного развивался вставной редуцированный. Это был начальный этап развития второго полногласия. И происходило это незадолго до падения редуцированных. В отношении вставного редуцированного правило Потебни — Гавлика тоже строго не действовало.

Итак, типичной слабой позицией было положение на конце фонетического слова, а типичной сильной — положение перед слогом со слабым редуцированным, поэтому отсчет позиций ведется от конца фонетического слова к началу. Это хорошо видно в тех словоформах, где идет несколько редуцированных подряд, начиная с конечного:

лѣстьць, тѣмнь, правѣднь, Смольньскъ и т. п.

Если в словоформе имеются только редуцированные гласные, то слабые и сильные располагаются по очереди, начиная с конечного слабого. Сравните существительное и образованное от него прилагательное: жьрьць и жьрьчьскъ.

Если фонемы [ъ] и [ь] имели сильные и слабые аллофоны, то каково же было фонетическое различие между ними? Скорее всего оно заключалось в том, что слабые редуцированные, в отличие от сильных, подвергались редукции, прежде всего количественной, в то время как сильные, наоборот, не только не редуцировались, но могли даже фонетически удлиняться (например, под ударением), что сопровождалось понижением их подъема — движением в направлении к [e] и [o]. Это, кстати, еще одно основание отвергнуть трактовку фонем [ъ], [ь] как «сверхкратких», так как признак «сверхкраткости» не распространялся на их сильные аллофоны. Не исключено, что редуцированные гласные под ударением были фонетически даже более долгими, чем другие гласные в безударном положении. Если и можно говорить о «сверхкраткости» редуцированных гласных, то только применительно к слабым позициям. Таким образом, редуцированные гласные исходной системы — это такие гласные, которые в некоторых позициях (слабых) подвергались редукции.

В ДРЯ ударение не играло роли в распределении редуцированных по сильным и слабым позициям. Зависимость если и была, то скорее обратная. В поздний праславянский период происходило следующее изменение: если слабый редуцированный был ударным, то ударение с него перемещалось на соседний слог: *rǫtǫ́ ‘рот’ > *rǫtǫ, *skotǫ́ > *skǫtǫ, *lǫžǫ́etǫ > *lǫžǫ”etǫ, *sǫlǫžǫ́etǫ > *sǫlǫžǫ”etǫ. Впрочем, не исключено, что оттяжки ударения с конечных редуцированных вызывали редукцию последних, что и положило начало оформлению сильных и слабых позиций. Во всяком случае, похоже, что эти процессы проходили параллельно.

Дальнейшая история редуцированных в русском языке состояла в том, что слабые редуцированные ослаблялись вплоть до полного выпадения, если этому не препятствовала группа согласных, а сильные совпадали с гласными средненижнего подъема: [ъ] > [o], а [ь]

> [e] (сънѣ > сон, днѣнѣ > день). Напряженные редуцированные перед [j] в целом на будущей великорусской территории вели себя так же, как и ненапряженные: исчезали в слабой позиции и изменялись в [o] и [e] в сильной (доброи < *dobrǫjъ, гости < *gostǫjъ). По говорам наблюдаются и иные рефлексы (молодѣй, молодѣй), но, возможно, они более позднего происхождения. Напряженные редуцированные в начале слова после йота ([jъ-]) изменялись в [i] независимо от позиции, например, в словах игла < *jǫgъla, иголка < *jǫgъlъka, идет < *jǫdetъ (ср. в укр. – игла, голка, йде). В старославянском языке сильный напряженный редуцированный заднего ряда изменялся в [y], а переднего ряда – в [i] (добрыи < *dobrǫjъ, гости < *gostǫjъ), что через посредство церковнославянского оказало влияние на русское правописание и частично произношение (ср. слепой, но добрый).

Падение редуцированных, если трактовать его максимально широко, происходило в ДРЯ приблизительно с конца XI – начала XII в. до середины XIV в. Падение редуцированных гласных довольно хорошо отражено памятниками. У восточных славян, как показывают памятники, оно проходило позже, чем у южных. Когда на Руси в XI – начале XII в. переписывались старославянские (южнославянские) рукописи, в которых утрата редуцированных была уже широко отражена, восточнославянские книжники часто восстанавливали написания с ерами. Предполагается, что они вносили «исправления» согласно своему произношению. При этом в процессе переписывания книгописцы, конечно, могли заимствовать из этих оригиналов какую-то часть написаний с пропуском ъ и ь или написанием о и е на месте слабых редуцированных, хотя интенсивное падение редуцированных в их языке еще не началось. Проникновение в раннюю восточнославянскую письменность южнославянских написаний с пропусками еров и заменой их на о и е могло происходить прежде всего вследствие пиетета, с которым писцы относились к переписываемому оригиналу, а в каких-то случаях вследствие ослабления их внимания – у тех писцов, которые ориентировались на

норму, расходящуюся со старославянской. Несоответствие между написаниями старославянских оригиналов и произношением древнерусских писцов могло лежать в основе смешения букв ъ/о и ь/е уже в памятниках XI в. Такое «смешение» было характерно для многих берестяных грамот, прежде всего XII–XIII вв., а также для некоторых деловых памятников.

Падение редуцированных в древнерусском языке прошло несколько этапов.

1-й этап: вторая половина XI – начало XII в. Происходит утрата абсолютно слабых редуцированных, т. е. тех, которые не чередовались с сильными в формах одного слова, в том числе конечных: дѣва > два, пьшеница > пшеница, при сохранении сѣн(ь) – сѣна, дѣн(ь) – дѣне, пьсѣц(ь) – пьсѣца.

2-й этап: первая половина XII в. Утрачиваются все слабые редуцированные, кроме тех, которые находились в сложных группах согласных: сѣна > сна, тѣмно > тѣмно, пьсѣца > пьсѣца, сѣбрати > сѣбрати, но снѣха, мѣгла, пьстрии, мудръци.

3-й этап: вторая половина XII – середина XIII в. Сильные редуцированные изменяются в [о] и [е] (сѣн(ь) > сон, тѣмно > темно, пьсѣц(ь) > псец, сѣбрати > собрати), но еще сохраняются слабые редуцированные в сложных группах согласных (снѣха, мѣгла, пьстрии, мудръци). На этом этапе происходит дефонологизация редуцированных, их утрата как самостоятельных фонем.

4-й этап: вторая половина XIII–XIV в. Завершается полная утрата оставшихся слабых редуцированных или их изменение в [о] и [е]. Речь идет о тех слабых редуцированных, которые еще сохранялись в сложных группах согласных и после утраты ими на предыдущем этапе фонологического статуса некоторое время, возможно,

функционировали как некие «нефонематические гласные»: снѣха, дѣжди, дѣска, пѣстрыи, мѣгла, мѣзда, кузньци > сноха, дожди (в памятниках встречается и джди), доска (диал. цка), пѣстрый, мгла (в памятниках встречается и мегла), мзда (в памятниках встречается и мезда), мудреци и т. п.

Механизм процесса падения редуцированных

Итак, редуцированные сначала исчезали в большинстве слабых позиций, а потом стали изменяться в сильных позициях. Утрата слабых началась, видимо, в быстрой речи (в неполном типе произнесения, если воспользоваться термином **Л. В. Щербы**), но в медленной речи (т. е. в полном типе произнесения) они восстанавливались. Такая последовательность изменения – сначала в быстрой, а потом в медленной речи – вообще характерна для многих позиционно обусловленных фонетических изменений. Постепенно формы без редуцированных проникали из быстрой речи в полный тип произнесения. Естественно, наиболее благоприятными для этого были словоформы, где слабый редуцированный находился в морфологически (точнее, морфонологически) изолированной позиции. Такую позицию, в которой слабый редуцированный не чередовался с сильным, т. е. не поддерживался сильным в той же морфеме, иногда называют «**абсолютно слабой**». Абсолютно слабым был, например, редуцированный в таких словах, как кѣнѣзь, мѣного, сѣдоровѣ, дѣва, кѣто, чѣто, пѣшеница, вѣдовица и т. п. Памятники XI – начала XII в. отражают тенденцию пропускать именно абсолютно слабые редуцированные. К абсолютно слабым редуцированным фактически примыкали и все конечные редуцированные, хотя они и чередовались с сильными, но такое чередование носило специфический характер (ср. домѣ – домѣ тѣ > дом-от(ѣ), дѣнь – дѣнь сѣ > днесѣ '(в) этот день, сегодня'). То, что слабые редуцированных переставали восстанавливаться в медленной речи, указывало на их дефонологизацию, превращение в фонологический ноль звука. О фонологической завершенности изменения мы можем говорить только тогда, когда оно становится характерно для медленной речи.

Морфологическая изолированность редуцированного играла определенную роль на последнем этапе изменения – в процессе утраты или «вокализации» слабых редуцированных, задерживавшихся в группах согласных; ср. слъза > слеза (ср. в род. пад. мн. числа слез < слъзь), мудръци > мудреци (ср. мудрец < мудръць), но Пльсковъ > Плсков > Псков, Дьбрянськъ > Дьбрянск > Дбрянск > Брянск, но дьбрь — дьбри > дебрь — дебри (Дьбрянськъ и дьбрь этимологически разошлись еще в древнерусском).

Другой характерной чертой механизма падения редуцированных была обусловленность выпадения и сохранения слабого редуцированного особенностями консонантного окружения, другими словами – тем, какая группа согласных возникала в случае выпадения редуцированного. Выпадению слабого редуцированного благоприятствовало, если возникала группа согласных, которая была возможна в начале слога или слова, т. е. если не возникал закрытый слог: дьва > два (ср. дворъ), окъно > окно (ср. кнуть), сълати > слати (ср. слава, слухъ), сътворити > створити (ср. суффикс -ьство) и т. п.

Еще одной особенностью механизма падения редуцированных было развитие вставных редуцированных внутри исконных групп согласных (дворъ > дьворъ, три > тьри (З), гнѣвь > гнѣвь, земля > земля), которым сопровождалось падение слабых редуцированных. Как показывают исследования языков, переживающих процессы, подобные падению редуцированных (а это довольно распространенный тип изменения), выпадение гласных обычно сопровождается вставкой (эпентезой) паразитных гласных. Такого рода вставки неэтимологических (неорганических) редуцированных отражены и памятниками XI – начала XII в. Это доказал **Виталий Михайлович Марков** в своих работах 60-х гг. XX в. Он усматривал в развитии неорганических гласных главную причину падения слабых редуцированных. Вставка неэтимологических редуцированных в таких словах, как дьворъ, тьри (З), гнѣвь, земля, приводила к тому,

что этимологические слабые редуцированные в таких словах, как дѣва, тѣри (тру), гѣнати, мѣлинѣ ‘мельница’, перестали противопоставляться фонематическому нулю, а значит, сами превращались в фонематический нуль. Функциональная значимость этимологических слабых редуцированных была как бы «дискредитирована» вставными редуцированными. Таким образом, на этапе утраты слабых редуцированных фонологическое изменение (т. е. превращение их в фонематический нуль) предшествовало фонетическому, т. е. полной утрате гласного. Фонетика уже потом подтягивалась за фонологией. Во многих случаях вставные редуцированные в дальнейшем вели себя как этимологические; ср. огонь > огнь > огонь, храбрь > храбрь > храбор, хыбрь > хыбрь > хитёр, вѣбрь > вѣбрь > ветер, вебрь > вебрь > ведер и др. Важную роль, как отмечалось в занятии, посвященном полногласию, вставные редуцированные сыграли и в развитии второго полногласия.

Выводы

Основными особенностями механизма падения редуцированных были следующие.

1. Влияние морфонологической изолированности редуцированного на скорость изменения (ранняя утрата абсолютно слабых редуцированных).

2. Обусловленность процесса характером группы согласных, внутри которой находился слабый редуцированный (долгое сохранение слабого редуцированного в сложных группах согласных).

3. Выпадение слабых редуцированных сопровождалось вставкой неэтимологических редуцированных, которые привели к тому, что этимологические слабые редуцированные перестали противопоставляться нулю звука (гипотеза В. М. Маркова).

4. Связь процесса утраты слабых редуцированных с темпом речи: сначала редуцированные утрачивались в быстрой речи, а потом словоформы без редуцированных постепенно проникали в полный тип произнесения (гипотеза Р. О. Jakobsona).

